

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

Восьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

Каукоемриälä (Цвелодубово)
Свое издательство
2012

«Центрифуга» и «Лирень»: к истории взаимоотношений

Футуристическое литературно-издательское объединение «Лирень» образовалась в середине 1914 года в Харькове под руководством Николая Асеева, Григория Петникова и Божидара (Богдана Гордеева) и отличалось ориентацией на национально-архаическую традицию русского футуризма (прежде всего поэзию В. Хлебникова), с ее увлечением примитивизмом и словотворчеством. Издательство «Лирень» просуществовало вплоть до 1922 г., публикуя книги и сборники футуристов. К работе издательства в разные годы были привлечены Владимир Маяковский, Борис Пастернак, Велимир Хлебников, Елена Гуро и другие. Из-за активного участия Николая Асеева принято считать «Лирень» группой, близкой «Центрифуге». Так, В. Марков в своей книге «История русского футуризма» характеризует «Лирень» как «странное», «гилейское ответвление» «Центрифуги» (Марков 2000: 210). В издательстве «Лирень» вышли три книги Асеева («Зор» (1914), «Ой конин дан окейн!» (1916) и «Леторей» — совместно с Г. Петниковым (1915)), однако одна из самых известных книг Асеева, «Оксана», была опубликована в 1916 в издательстве «Центрифуги». Поэтов обеих групп связывали не только дружеские отношения, но и совместное участие в различных кубофутуристических изданиях («Взял», «Весеннее контрагентство муз», «Московские мастера», а также в альманахе «Пета»).

Николай Асеев вошел в литературу как символист, он начинал вместе с Бобровым и Пастернаком в символистской «Лирике», а до этого печатался в «Весне», «сомнительном», по воспоминаниям Боброва (Бобров 1980: 7) альманахе Н. Шебуева, где поэты и познакомились. Далее, в январе 1914 г., Асеев с Бобровым и Пастернаком выходят из состава «Лирики» и основывают группу «Центрифуга», образование которой началось со скандала: в январе 1914 года Сергей Бобров, Борис Пастернак и Николай Асеев в одностороннем порядке «ликвидируют» книгоиздательство «Лирика», уведомление о чем рассылают бывшим соратникам¹. Причин этому несколько, так, Сергей Бобров

¹ См., напр., Флейшман 2006: 522–523.

в своих поздних воспоминаниях называет главной причиной усталость от «теософии и мистицизма» Юлина Анисимова (Бобров 2005: 66), тогда как из переписки Пастернака с Сергеем Дурылиным, входившим в группу «Лирика», а также с Константином Локсом, можно сделать вывод, что причиной стали антисемитские высказывания некоторых членов «Лирики». Раскол сопровождался скандалом и едва не закончилось дуэлью между Пастернаком и Анисимовым².

Спустя несколько месяцев раскол произошел уже в «Центрифуге»: дебютный альманах группы под названием «Руконог» содержал резкую критику на издания кубофутуристов и прежде всего на «Первый журнал русских футуристов» (главным врагом «Центрифуга» объявила Шершеневича, вражда с которым к весне 1914 длилась уже несколько лет³). Разгневанные наименованием «труссы, ренегаты, предатели, пассеисты» (Руконог 1914: 31) представители редакции «ПЖРФ» во главе с Маяковским послали в издательство «Руконога» гневное письмо с требованием объяснений, и полемика со страниц альманахов переместилась в кафе на Арбате, где впервые познакомились Пастернак и Маяковский. Эта встреча описывалась Пастернаком (дважды — в автобиографических повестях «Охранная грамота» и «Люди и положения») и Бобровым (в мемуарных записях 1960-х гг., опубликованных в собрании сочинений Пастернака)⁴. Со стороны «Центрифуги» помимо Боброва и Пастернака участвовал также поэт Борис Кушнер, оказавшийся в «Центрифуге» практически случайно и в издании журнала участия не принимавший, а со стороны «ПЖРФ» — Маяковский, Большаков и Шершеневич. Примечательно, что изначально составлявший своеобразный триумvirат «Центрифуги» Асеев в этой встрече не участвовал. Вот что пишет в своих поздних воспоминаниях Сергей Бобров по поводу отсутствия Асеева и его разрыва с «Центрифугой»: «Асеев принимал некоторое участие в этой неинтересной истории, так как ранее сообщил Шершеневичу о наших планах (*имеется ввиду выпуск «Руконога» и его полемическое содержание.* — Е.З.), и немедленно скрылся из Москвы, как только время пришло к развязке» (Бобров 2005: 67). И далее: «...увидев, что мы, рассорившись с анисимовской группкой, вдобавок оказались под огнем объединившихся (ненадолго) футуристов (кубо и эго), Асеев струхнул. И, опасаясь оказаться ни в тех, ни

² Об этом см. Кобринский, 2007: 313.

³ Об этом см. Зеленкова, 2010: 116–117.

⁴ Пастернак 2005 а: 214–216; Пастернак 2005б: 330, 332–333; Бобров 2005: 68–69.

всех, начал маневрировать: сперва сунулся обратно к Анисимовым, но его там на порог не пустили, а затем за нашей спиной попробовал сговориться с Шершеневичем» (Ibid.: 69). Поскольку это воспоминания 1960-х гг., то многое в них следует ставить под сомнение, к примеру, совершенно другую характеристику поведения Асеева дает Бобров в мемуарной заметке «Мое знакомство с Асеевым», написанной, очевидно, с расчетом на публикацию. Здесь ничего не говорится о разрыве или каком-либо «неблаговидном» поведении Асеева, однако можно увидеть попытку Боброва оправдать раскол «Центрифуги» и ее неучастие в литературной жизни столицы в начале 1920-х гг.: «Через семью своей будущей жены Н.Н-ч сблизился с этой группой (Гилея. — Е.З.), и тут оказалось, что его в Маяковском⁵ (с которым они быстро сошлись), как и в Хлебникове привлекает так сказать их бунтарская сторона. Поваяло новым духом и от стихов Н.Н-ча.<...> Для Н.Н-ча это были переломные годы: и в Маяковском и в Хлебникове его привлекали раньше всего может быть их анархические и бунтарские настроения. Особенно увлекся Н.Н-ч Хлебниковым, и на многие годы. Короче, в поэзии Н.Н-ча выявилась, и что ни дальше, тем все яснее и яснее революционная струя, а также и древнерусские черты поэзии Хлебникова. Голос Асеева окреп и тон его изменился, это уже был не друг символистов, но грозный враг всякого сюсюканья, который каким-то вещам чутьем предугадывал — великие перемены, которые ждут нас в будущем»⁶.

Интересно сравнить эти строки с дневниковыми записями Боброва, относящимися к 1909 году: «Вчера с Асеевым с шебуевской

⁵ Эпизод знакомства Асеева и Маяковского, личное обаяние которого сыграло решающую для Асеева роль, описан в воспоминаниях жены поэта, Ксении Синяковой. Вероятно, описываемый эпизод относится к осени 1913 года и в нем довольно интересно характеризуется позиция Боброва: «Однажды были у нас Асеев и Бобров. Позвонил телефон. Оказалось, что это звонил Маяковский. Он попросил разрешения зайти к нам с Василием Каменским. Нас это обрадовало, и мы, конечно, согласились. Но Сергей Бобров запротестовал, сказав, что он не любит других футуристов и не хочет с ними знакомиться, и, обратившись к Асееву, добавил:

— Коля, давай уйдем.

Но Коля не захотел уходить, возразил:

— А я очень хочу поближе познакомиться с Маяковским и послушать, как он читает свои стихи.

Бобров ушел, а Асеев остался. ... Асеев был потрясен... С этой минуты Асеев и Маяковский, два поэта, полюбили друг друга на всю жизнь» (Бобров 1980: 14–15)

⁶ РГАЛИ, ф. 2554 оп.2 ед.хр. 268. Л. 3.

вечеринки пошли к нему. Живет он у черта на куличках — на Зацепе. По дороге зашли в пивную и выпили по кружке пива. Признаться, мне это очень не нравится. Ну, притащились к нему, чаю напились. Милый он мальчик, но уж очень темен... Когда я начал говорить ему об Уайльде, об искусстве, о литературе, он слушал меня почти с благоговением. Как только я рот открою, он замолчит и внимательно-внимательно поворачивает голову за мной — слушает. Говорят, что ни с чем не сравнима гордость дурака, если он случайно встретил человека глупее его. Но я не горд, а очень тронут, — право трогательно такое возмущение. И кажется у него есть талант. Хотя он сейчас барахтается в надсоновщине и нытье, но уже кое-что заметно»⁷.

В переписке Боброва с Пастернаком это периода содержится лишь одно воспоминание о расколе в «Центрифуге»: «Что до Николая — ничего, каналья, не пишет, хотя я и изоцрился все возможные средства выражения гению недоумения в отношении его поведения» (Пастернак 2005в: 172).

Общение и переписка Боброва и Асеева обрывается в апреле 1914. В переписке же Боброва с Пастернаком этого периода содержатся напряженные споры по поводу прошлого и будущего «Центрифуги», Бобров планирует второй сборник, собирает материалы, а Пастернак на Урале и не желает быть «жертвой» групповой идеологии⁸: «В небе гнездились мы также совершенно напрасно⁹, я этого не только не хотел, но всем существом своим этому противился; — что ж тут удивительного, что выпал я наконец из гнезда. ...Вообще, если «Лирика» была смешна в положении священнодействующего редингота, Руконог был пока гадким утенком всего. Недостатки первого нашего выступления лишены всякого корня, никакого труда не требуется, чтобы избавиться от них...» (Пастернак 2005в: 188).

Итак, Николай Асеев уезжает в Харьков, в Красную поляну, на дачу сестер Синяковых, где, вероятно, и оформился кружок «Лирень»: в Харькове жили Божидар (Б.П. Гордеев) и Г.П. Петников, а также сестры Синяковы. Название «Лирень» по всей видимости принадлежит Асееву, так как он планировал назвать так свою вторую книгу стихов, готовившуюся в «Центрифуге»¹⁰. Уже в 1914 году в издатель-

⁷ РГАЛИ, ф. 2554 оп.2 ед.хр. 268. Л. 4–5.

⁸ См. высказывание Пастернака по этому поводу: «Всю зиму я только и знал, что играл в групповую дисциплину, только и делал, что жертвовал ей вкусом и совестью» (Пастернак 2005б: 214).

⁹ Цитата из стихотворения Боброва «Турбопеан» (Руконог 1914: 28).

¹⁰ См. Марков 2000: 211.

стве вышло три книги: литографированные сборники Асеева «Зор» и Божидара «Бубен» (конец августа) и «Фрагменты» Новалиса в переводе Петникова (сентябрь).

Переписка между Асеевым и Бобровым возобновляется также в сентябре 1914 года (дата первого письма Асеева 4 сентября, а дата получения Бобровым — 7 сентября — совпадает с датой самоубийства Божидара), однако письмо со стороны Асеева носит подчеркнуто официальный характер: «...открывая предполагаемыми изданиями деятельность в наступившем сезоне совет к-ва «Лирень» поручил мне предложить «Центрифуге» обмен отзывов и изданий. Отзывы могут быть помещаемы в готовящемся к выходу «Оповестнике речи», отводящем особый отдел событиям печатного мира»¹¹. Не известно, что ответил Бобров, вероятно, был благосклонен, однако деятельность «Центрифуги» в это время практически замирает из-за финансовых трудностей, а также поскольку Б. Пастернак фактически отказывается от участия в группе, так же, как и Асеев, связывая свое будущее в литературе с фигурой Маяковского.

До конца 1914 года Бобров ничего не издает, а в 1915 году знакомится с Федором Платовым, владельцем книгоиздательства «Пета», на деньги которого собирается продолжить деятельность «Центрифуги». В начале 1915 года Платов издает свою книгу «Блаженны нищие духом: семьдесят стихов» под маркой «Центрифуги», где объявляет себя футуристом. Сотрудничество с Платовым позволило Боброву продолжить издательскую деятельность «Центрифуги», но перед этим Бобров под влиянием Платова работает в издательстве «Пета», результатом чего стал одноименный альманах, вышедший в 1916 г. и содержащий помимо стихов и прочих произведений самого Платова стихотворения Боброва, Большакова (порвавшего с Шершеневичем) и Асеева, а также Хлебникова, чье имя было выделено на обложке альманаха жирным шрифтом. Участие Хлебникова очевидно стало результатом примирения Асеева и Боброва, о котором свидетельствует реклама книг «Лирня» в «Пете», а затем и во «Втором сборнике Центрифуги».

Впрочем, в «Пете» Бобров довольно резко критикует сборник «Леторей» в библиографическом разделе, который полностью был составлен им самим (интересно, что отзыв на «Леторей» в отличие от всех других библиографических заметок был подписан не псевдонимом). Бобров ругает предисловие к «Леторею» (которое принято считать своеобразным манифестом группы, так как никаких других печатных выступлений, содержащих какую-либо программу, груп-

¹¹ РГАЛИ, ф. 2554 оп. 1 ед.хр.10. Л 1.

пой опубликовано не было) и говорит о том, что «авторы <...> самым патетическим образом пережевывают до смерти надоевшие максимы покойной «Гилеи» (Петга 1916: 38). Однако здесь же Бобров отмечает, что «стихи Асеева ясно показывают прогресс стихотворца», впрочем, не без капли дегтя сообщая о том, что автору и издателю следует избавиться «от задавливающего его техницизма и стремления именно к тому шаблонно-ритмичному и соразмерному стиху, который так поносил «Лирень» в предисловии» (Ibid.). Примечательно, что рядом с этим не самым благосклонным отзывом соседствует восторженная рецензия Асеева на поэму Маяковского «Облако в штанах» под названием «Поразительный успех!».

Следующий эпизод взаимоотношений «Лирня» и «Центрифуги» связан с выпуском «Второго сборника Центрифуги», сборника Асеева «Оксана», сборника Пастернака «Поверх барьеров» и стиховедческой работы Божидара «Распевочное единство». С середины 1915 года Бобров возобновляет работу над альманахом, заручившись поддержкой, прежде всего материальной, Ф. Платова. К тому же Боброву удалось расширить состав участников: к деятельности «Центрифуги» подключились К. Большаков, бывший сотрудник «Первого журнала русских футуристов» и оппонент «Центрифуги» во время встречи представителей двух редакций, а также В. Хлебников. Такое расширение состава группы было поддержано Пастернаком, который приветствовал объединение с Большаковым и Хлебниковым¹². Участие Хлебникова Боброву обеспечил Асеев, участие Большакова — Пастернак. В своих письмах этого периода Асеев постоянно сообщает о «еще одном» стихотворении Хлебникова, приложенном к письму¹³. Вообще же сотрудничество Асеева с Хлебниковым было довольно плодотворным: в 1915 планировалось издание журнала художественной речи и критико-библиографии «Слововед», который станет заниматься «живой речью», отбрасывая все, что относится к «технике» и «художественности слова»¹⁴. Предполагаемыми участниками были также Маяковский, Крученых, Д. Бурлюк, Ивнев и Матюшин. Журнал так и не вышел. В издательстве «Лирня» опубликован также манифест Хлебникова «Труба марсиан» (1916), отдельным изданием вышла его пьеса «Ошибка смерти» (1916). В этот же период во втором альманахе «Центрифуги» публикуются Хлебников, стихи по-

¹² В одном из писем Боброву Пастернак отмечает: «Примирение твое с Б., Х. и др. меня радует» (Пастернак 2005б: 232).

¹³ РГАЛИ, ф. 2554, оп. 1 ед.хр.10, Л. 5-7.

¹⁴ См. об этом Хлебников 1990: 482.

койного Божидара, Пастернак, Ивнев, Широков, Олимпов. Впрочем, почти треть поэтического раздела занимают стихи самого Боброва (под различными псевдонимами). Однако Асеев в этом альманахе участия не принимает.

Один из самых интересных эпизодов взаимоотношений «Лирня» и «Центрифуги» связан с публикацией Бобровым под маркой «Центрифуги» книги Божидара «Распевочное единство». Книга была снабжена предисловием и комментариями Боброва, в которых он в свойственной ему снисходительной манере объясняет читателю суть книги, поправляет автора публикуемой работы, где-то превосхищая или искажая действительное содержание книги (притом, что книга издавалась посмертно). Результатом стала резкая критика во «Временнике», альманахе, издаваемом в издательстве «Лирень». Вероятно, автором этой публикации был Асеев: «Изданное к-вом Центрифуга «Распевочное единство» Божидара явилось странным опытом саморекламы издателя на могиле не могущего защититься автора. Замысленная, очевидно, как боевое выступление в исследовании стиха, написанная великолепно горящим языком <...> книга эта издана г. Бобровым в виде ученической работы, снабженной снисходительным предисловием с одной стороны и комментариями с другой. <...> Кроме такого извращения умышленной внешности творения одного из самых молодых и горячих участников «Лирня» неприятно и грустно видеть как комментатор заботится об издании своих комментариев, якобы предвосхищающих мысли оригинального творения, <...> печатая титульный лист комментариев крупнейшим шрифтом и помещая своя личный автограф на обложке» (Временник 1917: 9). Очевидно подкрепляя свои выпады против издания Боброва, редакция «Лирня» в том же номере «Временника» среди анонсов деятельности издательства помещает следующее сообщение: «Лирень готовит к печати «Распевочное единство» Божидара. Книга будет очищена от всякого рода комментариев, дополнена пропусками и новыми схемами» (Ibid.). Реакция Боброва не известна, но в его архиве среди неопубликованных работ хранятся следующие записи 1917 года: «Вышла вторым изданием книга погибшего Божидара «Бубен». В примечаниях приятная статья Н.Асеева и отрывки из «Распевочного единства», напечатанные (*«в неверной редакции» — зачеркнуто.* — Е.З.), по черновику»¹⁵. Дальнейшего развития полемика по поводу публикации книги Божидара не получила, поскольку в 1917 году Асеев уезжает во Владивосток и на довольно длительный срок его сотрудничество с «Центрифугой» прерывается.

¹⁵ Ф. 2554 оп. 2 ед. хр.106. Л. 8.

В 1917–18 гг. деятельность «Лирня» практически ограничивается выпусками «Временника» (основные участники — Асеев, Петников, Хлебников), также в 1918 году выходят две книги Петникова «Быт побегов» и «Поросль солнца», затем, в 1920 году книга того же Петникова «Книга Марии — Зажги снега». В 1920 году выходит серьезный коллективный альманах под одноименным названием «Лирень», где помимо Асеева, Хлебникова и Петникова публикуются Пастернак, Маяковский, Е. Гуро. Бобров в этом коллективном издании не принимает участия, однако в одном из «Временников» является публикация его поэтических сборников под маркой издательства «Лирень».

История творческих и издательских взаимоотношений «Лирня» и «Центрифуги» насчитывает более шести лет, однако следует отметить что поэтические и стилистические установки обеих групп (хотя вопрос об единстве этих объединений остается открытым) существенно различаются. Так, общей чертой поэтических опытов Асеева, Божидара и Петникова является установка на «дикое слово» (из манифеста «Несколько слов о Леторее»), а среди характерных приемов можно назвать стилизацию под древнеславянскую речь, словотворчество, невнимание к ритмической (метрической) стороне стихотворных текстов, а также использование зрительных эффектов (различных шрифтов) и примитивистская манера.

«Центрифугу» же отличало от других футуристических группировок прежде всего внимание к культурной традиции, установка на формальную новизну поэзии, практический отказ от словотворчества, подчеркнутая, иногда гипертрофированная метафоричность и эксперименты в области метрики и ритмики. В последнем особенно преуспел Бобров, настаивая на «деланности» собственных стихотворений и называя их в соответствии с использованным размером.

Литература

1. Бобров С. О Б.Л. Пастернаке // Пастернак Б. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. XI. Борис Пастернак в воспоминаниях современников; сост., коммент. Е.В. Пастернак и Е.Б. Пастернака. М.: Слово, 2005. С. 63–71.
2. Бобров С.П. Записки о прошлом // Воспоминания о Николае Асееве. М, 1980. С. 6–11.
3. Временник. №1. М. [Харьков]: Лирень, 1917.
4. Кобринский А. Дуэльные истории серебряного века: Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб.: Вита Нова, 2007.
5. Марков В. История русского футуризма. СПб.: Алетейя, 2000.

6. Пастернак Б. Люди и положения // Пастернак Б. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. III: Проза / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. С. 295–346.
7. Пастернак Б.. Охранная грамота. // Пастернак Б. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. III: Проза / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. С. 148–238.
8. Пастернак Б. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. VII. Письма 1905–1926 / Борис Пастернак; сост., коммент. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. М.: СЛОВО/SLOVO, 2005.
9. Руконог. М: Центрифуга, 1914.
10. Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1990.